

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№4(140)
часть 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 4 (140)
Январь 2021 г.

Часть 2

Издается с февраля 2017 года

Москва
2021

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, доц. кафедры биоэкологии и химии факультета естественнонаучного образования ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Россия, г. Чебоксары;

Ахмеднабиев Расул Магомедович – канд. техн. наук, доц. кафедры строительных материалов Полтавского инженерно-строительного института, Украина, г. Полтава;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Волков Владимир Петрович – канд. мед. наук, рецензент АНС «СибАК»;

Елисеев Дмитрий Викторович – канд. техн. наук, доцент, начальник методологического отдела ООО "Лаборатория институционального проектного инжиниринга";

Комарова Оксана Викторовна – канд. экон. наук, доц. доц. кафедры политической экономии ФГБОУ ВО "Уральский государственный экономический университет", Россия, г. Екатеринбург;

Лебедева Надежда Анатольевна – д-р филос. наук, проф. Международной кадровой академии, чл. Евразийской Академии Телевидения и Радио, Украина, г. Киев;

Маршалов Олег Викторович – канд. техн. наук, начальник учебного отдела филиала ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет" (НИУ), Россия, г. Златоуст;

Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук, проф. ВАК, зав. Кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, г. Магнитогорск;

Самойленко Ирина Сергеевна – канд. экон. наук, доц. кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва;

Сафонов Максим Анатольевич – д-р биол. наук, доц., зав. кафедрой общей биологии, экологии и методики обучения биологии ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный педагогический университет", Россия, г. Оренбург;

С88 Студенческий форум: научный журнал. – № 4(140). Часть 2. М., Изд. «МЦНО», 2021. – 44 с. – Электрон. версия. печ. публ. – <https://nauchforum.ru/journal/stud/140>

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

Оглавление

Рубрика «Юриспруденция»	5
АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА И ПРОЧНО СВЯЗАННЫХ С НИМ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ Дурасов Владислав Владимирович	5
КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОГО ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ Иконников Денис Романович	9
ПРИВЕДЕНИЕ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ В СООТВЕТСТВИЕ С УСТАНОВЛЕННЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ: ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ Иконников Денис Романович	14
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРАВА НА ОТМЕНУ РАНЕЕ ИЗДАННОГО АКТА НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ Иконников Денис Романович	17
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЧИСЛЕНИЯ НЕУСТОЙКИ НА ОБЩУЮ СУММУ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА Комиссаров Михаил Васильевич	20
РЕВОЛЮЦИЯ АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ Минаева Инна Юрьевна Матвеев Виталий Юрьевич	23
ДОГОВОР ВОЗМЕДНОГО ОКАЗАНИЯ ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ Сетсалиева Зарема Исмаиловна	27
СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ИМУЩЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ Акимова Виктория Викторовна Хорошева Анастасия Сергеевна Семенцов Никита Сергеевич	30
КРАЖА С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ Челпанов Егор Сергеевич	33
Papers in english	36
Rubric «Political science»	36
THE PROBLEM OF EXTREMISM AND TERRORISM AMONG YOUNG PEOPLE AND ITS IMPACT ON PUBLIC POLICY Alina Nyrova Temirlan Nyrov Liana Beshkurova Lalina Kokova	36

Articles en français	38
Titre «Philologie»	38
DES SEXOSPECIFICITES DU FRANÇAIS ET DE L'ANGLAIS	38
Mariia Koppalova	
Nadezhda Barymova	

РУБРИКА**«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»****АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НОРМ,
РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА
И ПРОЧНО СВЯЗАННЫХ С НИМ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ**

Дурасов Владислав Владимирович

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

РФ, г. Санкт-Петербург

Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов недвижимости является одним из фундаментальных принципов земельного права. Данный принцип нашел свое отражение в п. 4 ст. 35 Земельного кодекса РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ (Далее – ЗК РФ). В отношении данной нормы, в совокупности с иными нормами закона, регулируемыми данным принципом, сложилась обширная судебная практика, которая отражает положение принципа единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов недвижимости в разрешении споров. Для вычленения особых признаков такого принципа, а также с целью определения его практической важности был осуществлен анализ правоприменительной практики п. 4 ст. 35 ЗК РФ в период с марта 2015 по 2020 год. Для проведения мониторинга использовалась практика Арбитражных судов Волго-Вятского, Восточно-Сибирского, Западно-Сибирского, Северо-Западного судебных округов.

Начать следует с того, что все суды отмечают связанность споров с одним из основных принципов земельного законодательства, которым является единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов. Согласно данному принципу, все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами (пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ). Свое отражение данный принцип находит и в ст. 35 ЗК РФ. Согласно п. 4 ст. 35, отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится вместе с земельным участком, за исключением перечисленных в данном пункте случаев.

Кроме того, согласно упомянутой выше норме закона также не допускается отчуждение земельного участка без находящихся на нем здания, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу. В свою очередь, к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства (п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 N 51-ФЗ, далее – ГК РФ). В одном из проанализированных дел (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.11.2016 по делу № А28-3471/2015) отмечается, что вопрос о принадлежности того или иного сооружения к категории недвижимости решается в каждом конкретном случае исходя из объективных технических характеристик. Суд ссылается на то, что аналогичная правовая позиция изложена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (Далее – ВАС РФ) от 16.12.2008 № 9626/08. Таким образом, если здание, сооружение разрушено, как объект недвижимости, имеющий соответствующее функциональное назначение, таковым не являлось, то в связи с этим не могло являться и объектом продажи, поэтому в отношении него отсутствовала обязанность по отчуждению одновременно с земельным участком. То есть, суд истолковал понятия здания и сооружения через ст. 130 ГК РФ о недвижимости. Такая же позиция содержится в ином деле (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.08.2016 по делу № А38-4647/2015).

Важно отметить, что данный принцип находит свое отражение и в статьях ГК РФ. Так, в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21.12.2017 по делу № А19-11843/2016, суд ссылается на ст. 273 ГК РФ, согласно которой при переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания или сооружения переходит право собственности на земельный участок, занятый зданием или сооружением и необходимый для его использования, если иное не предусмотрено законом. Кроме того, указывается п. 1 и п. 2 ст. 552 ГК РФ, согласно которым по договору продажи здания, сооружения или другой недвижимости покупателю одновременно с передачей права собственности на такую недвижимость передаются права на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования. В случае, когда продавец является собственником земельного участка, на котором находится продаваемая недвижимость, покупателю передается право собственности на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования, если иное не предусмотрено законом.

Данное правило распространяется и на оборот долей в праве собственности на земельный участок. Согласно абз. 7 п. 4 ст. 35 ЗК РФ, отчуждение участником долевой собственности доли в праве собственности на здание, сооружение или отчуждение собственником принадлежащих ему части здания, сооружения или помещения в них проводится вместе с отчуждением доли указанных лиц в праве собственности на земельный участок, на котором расположены здание, сооружение. Указанные законоположения исключают самостоятельный оборот доли в праве собственности на земельный участок отдельно от расположенного на таком земельном участке объекта недвижимости. Данная позиция находит свое подтверждение в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.07.2019 по делу № А42-2977/2018.

На реализацию данного принципа также направлены положения п. 7 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25.10.2001 № 137-ФЗ, а также ст. 28 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», согласно которым не допускается приватизация зданий без одновременной приватизации земельных участков, на которых они расположены, за исключением случаев, если такие участки изъяты из оборота или ограничены в обороте (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31.01.2017 N Ф07-12651/2016 по делу N А56-22524/2016).

Как уже было указано выше, абз. 1 п. 4 ст. 35 ЗК РФ устанавливает случаи, когда отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится без земельного участка. К таковым относятся:

- 1) отчуждение части здания, сооружения, которая не может быть выделена в натуре вместе с частью земельного участка;
- 2) отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке, изъятом из оборота в соответствии со ст. 27 настоящего Кодекса;
- 3) отчуждение сооружения, которое расположено на земельном участке на условиях сервитута.

Примером применения пп. 2 п. 4 ст. 35 ЗК РФ послужило одно из рассмотренных дел (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.04.2018 по делу N А42-4840/2017). Конкретно в данном деле администрация считала, что земли являются изъятыми из оборота в силу того, что земельные участки, занятые высвобождаемыми объектами имущества, относятся к землям, изъятым из оборота в соответствии с пп. 4 п. 4 ст. 27 ЗК РФ. Однако п. 2 ст. 7 ЗК РФ определено, что земли, в том числе обороны и безопасности, используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и вида разрешенного использования в соответствии с зонированием территории. На основании п. 2 ст. 8 ЗК РФ категория земель, в том числе и земли обороны, безопасности иного специального назначения (пп. 3 п. 1 ст. 7 ЗК РФ), указывается в государственном кадастре недвижимости. Разрешенным использованием земельных участков, на которых располагаются объекты недвижимого имущества, является

использование «для нужд обороны»; категория земель – «земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения».

В соответствии с п. 1 ст. 93 ЗК РФ землями обороны и безопасности признаются земли, которые используются или предназначены для обеспечения деятельности Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, организаций, предприятий, учреждений, осуществляющих функции по вооруженной защите целостности и неприкосновенности территории РФ, защите и охране Государственной границы РФ, информационной безопасности, другим видам безопасности в закрытых административно-территориальных образованиях, и права на которые возникли у участников земельных отношений по основаниям, предусмотренным ЗК РФ, федеральными законами. Согласно пп. 4 п. 4 ст. 27 ЗК РФ из оборота изъяты земельные участки, занятые объектами организаций федеральной службы безопасности. В свою очередь, в соответствии с пп. 5 п. 5 ст. 27 ЗК РФ ограничиваются в обороте находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки, предоставленные для обеспечения обороны и безопасности, оборонной промышленности, таможенных нужд. Следовательно, земельные участки под реализуемыми объектами недвижимости, предоставленные для нужд обороны страны, относятся к землям, ограниченными в обороте.

Таким образом, в этом случае имеет значение фактическое использование таких земельных участков в целях обеспечения деятельности государства в области обороны и безопасности, то есть важно также установление того, как именно используются земельные участки. Суд в данном деле определил, что рассматриваемый случай не подпадает под действие пп. 2 п. 4 ст. 35 ЗК РФ.

Основной массив дел, рассмотренных в рамках анализа практики правоприменения, составляют споры, связанные с оборотом помещений и земельных участков под ними. В соответствии с пп. 1 п. 4 ст. 35 ЗК РФ отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится вместе с земельным участком, за исключением случая отчуждения части здания, сооружения, которая не может быть выделена в натуре вместе с частью земельного участка. Суды, установив, что предметом договора является часть здания – помещение, а не самостоятельный объект недвижимости, и возможность выдела земельного участка, необходимого для использования данного помещения отсутствует, приходят к выводу о том, что для осуществления государственной регистрации перехода права собственности на такой объект недвижимости одновременной государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок не требуется. Приобретение в собственность части здания (при невозможности выделения ее в натуре вместе с частью земельного участка, обслуживающего это здание) влечет невозможность приобретения покупателем недвижимости в собственность земельного участка (соответствующей его части). Согласно п. 4 ст. 244 ГК РФ, общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу закона. Общая собственность на делимое имущество возникает в случаях, предусмотренных законом или договором.

Из п.15 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 28.03.2018 следует, что если при отчуждении помещений в здании выдел земельного участка, влекущий создание нового объекта гражданских прав, осуществить нельзя, совместно с помещениями в здании индивидуально определенный земельный участок продан быть не может в связи с невозможностью его образования, и в таких случаях в силу п. 4 ст. 244 ГК РФ земельный участок поступает в общую долевую собственность продавца и покупателя. Право собственности на долю в праве на земельный участок возникает у покупателя помещений в силу закона с момента государственной регистрации перехода к нему права собственности на помещения в здании (ст. 131, п. 2 ст. 223, п. 4 ст. 244 ГК РФ). Данная практика нашла свое отражение в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.04.2019 по делу № А19-20408/2018.

Важные, с данной точки зрения, разъяснения содержатся в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.11.2019 по делу № А58-6327/2018. Так, суд ссылается

на Определение ВС РФ от 23 ноября 2017 года по делу № 307-ЭС17-5707, в котором разъяснено, что данная норма права не может быть истолкована в качестве исключения из принципа единства судьбы земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимого имущества, поскольку данным пунктом урегулированы иные случаи возникновения права собственности на отдельный самостоятельный земельный участок у покупателя и прекращения соответствующего права у продавца.

При этом в случаях, когда часть здания может быть выделена вместе с частью земельного участка, и выделенная часть участка становится самостоятельным объектом гражданских прав, такие объекты подлежат продаже совместно.

В силу вышеприведенных норм права и разъяснений при отчуждении собственником здания и земельного участка, на котором оно расположено, помещений в этом здании, у покупателя помещений и продавца возникает режим общей долевой собственности на земельный участок. Другими словами, к покупателю земельный участок (его доля в праве) переходит на том же праве, что и у продавца.

Все суды в проанализированных делах (напр., постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.03.2020 по делу № А33-16665/2018; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.02.2018 по делу № А19-16536/2016; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21.12.2017 по делу № А19-11843/2016) ссылались на разъяснения, содержащиеся в п. 11 Постановлении Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» соответствии с которым сделки, воля сторон по которым направлена на отчуждение здания, строения, сооружения, без соответствующего земельного участка, или отчуждение земельного участка без находящихся на нем объектов недвижимости, если земельный участок и расположенные на нем объекты принадлежат на праве собственности одному лицу, являются ничтожными. Следовательно, судам следует устанавливать направленность воли сторон при заключении сделок.

В заключении следует отметить, что анализ практики правоприменения показывает значительный объем содержательно различающихся дел, однако довольно однообразную практику с точки зрения разрешения вопросов, связанных с применением п. 4 ст. 35 ЗК РФ. В общем и целом, наблюдается разнообразность вынесенных решений, но по своей сути, складывается однообразная практика, показывающая единый подход к применению данного положения закона. Безусловно, существуют некоторые особенности разрешения тех или иных споров, однако представляется, что это происходит ввиду специфики обстоятельств конкретных дел.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ ред. от 08.12.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2021).
2. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ ред. от 10.01.2021 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2021).
3. Лихолетова С.В. Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов /С.В. Лихолетова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». - 2019. - Т. 19, № 2. - С. 24-30.

КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОГО ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Иконников Денис Романович

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет,

РФ, г. Санкт-Петербург

Деление вещей на движимые и недвижимые как одна из возможных разновидностей юридической классификации вещей берет свое начало со времен римского права.

Недвижимостями (*res immobiles*) по римскому праву считались не только земельные участки (*praedia, fundi*) и недра земли, но и все созданное чужим трудом на земле собственника. Постройки, посевы, насаждения и другие объекты признавались естественной или искусственной частью поверхности земли. Все эти предметы, связанные с землей или фундаментально скрепленные с ее поверхностью, считались ее *составными частями*. Они подлежали правилу «*superficies solo cedit*» - сделанное над поверхностью следует за поверхностью. Отличительной особенностью римского права является невозможность установления раздельной собственности на дом и на землю.

Принцип «*superficies solo cedit*» равным образом применялся как при застройке участка собственником земли, так и при строительстве здания на чужом участке: земля с постройками в любом случае рассматривалась как одно целое, притом земля считалась главной частью единого объекта, а все находящееся на ней разделяло ее судьбу. Римские правоведы всегда применяли к таким явлениям одно только понятие приращения (*accessio*), не допуская даже мысли о спецификации.

М.И. Митилино указывал, что по римскому праву всякое строение, находящееся в прочной связи с землей, составляло вместе с последним единый объект права – *aedes*¹, «строение, воздвигнутое на земле и прочно соединенное, делалось *eo ipso*² составную часть поземельного участка и разделяло его юридическую судьбу [3, с. 6-7].

Хотя здания, сооружения по римскому правилу являлись недвижимыми вещами, практическое значение отнесения указанных объектов к недвижимым вещам, на мой взгляд, отсутствовало, поскольку при соединении с землей они автоматически признавались составной частью земельного участка, что приводило к утрачиванию качества самостоятельного объекта и к становлению собственностью собственника земельного участка.

Таким образом, в качестве единого объекта недвижимости в римском праве выступал земельный участок; здания и сооружения, возведенные на земельном участке, будут являться его составной частью (*единство вещи*); право собственности собственника земельного участка будет распространяться на находящиеся на таком участке здания, сооружения вследствие правила «*superficies solo cedit*» (*единство права*).

Понятие «недвижимое имущество» в отечественном правопорядке появилось сравнительно поздно. Оно было использовано Петром I в Указе о единонаследии 1714 года, государь тем самым уравнивал вотчину и поместье.

Только при Екатерине II появляется полноценный институт права собственности (однако лишь только для привилегированных слоев населения), собственность становится свободной от различных государственных «обременений» (Жалованная грамота дворянству, 1785 г.). «Фактически же основания говорить о полноценном институте (или подотрасли) вещного права в европейском смысле появились лишь во второй половине XIX в.» [2, с. 557, 560]. До этого времени, как верно отмечал К.П. Победоносцев, в России существовало «своеобразное вотчинное право на землю, такое право, которого нельзя поднести ни под одну из римских категорий» [5, с. 87-88].

¹ Это слово имеет два значения: во 1-х, им обозначается строение, дом, во 2-х, -застроенный участок, усадьба, т.е. земля и строение на ней вместе;

² Вследствие этого; тем самым

В 1804 году, в начале царствования Александра I, была начата подготовка к разработке гражданского кодекса под руководством Михаила Сперанского, ведущего реформатора раннего периода правления царя. Пожалуй, основным достижением М.М. Сперанского являлся «Свод Законов», который вступил в силу 1 января 1835 года.

Недвижимостью по своду имперских законов признается часть земной поверхности и все то, что с нею прочно связано, т.е. объекты, перемещение которых без нарушения их вида и назначения невозможно. Сюда относят строения, если их фундамент укреплен в землю, городские или деревенские здания, дома каменные и деревянные, фабрики, заводы (ст. 384). Движимыми вещами признаются объекты, которые могут быть сдвинуты без потери своей ценности и изменения назначения.

Интересным является положение статьи 386 т. X ч.1, которое, на первый взгляд, воплощает в действие модель единого объекта недвижимости, поскольку оно относит к *принадлежностям* населенных земель такие объекты, как «церковни и другие строения, дворы, мельницы, мосты».

Г.Ф. Шершеневич, Б. Мартынов также отмечали, что подобные строения, составляя принадлежность земли (ст. 386), признаются собственностью того лица, на чьем земельном участке располагаются названные объекты.

Однако не стоит думать, будто бы строения с земельным участком образовывали единый объект недвижимости. Закон лишь говорил о том, что по общему правилу собственнику земли принадлежат находящиеся на нем здания, при этом последние в отличие от римского права не теряли самостоятельного качества вещей.

Российскому законодательству того времени не безызвестно вертикальное разделение права собственности на землю и на находящееся на ней здание. Так, по праву застройки застройщик приобретал самостоятельное право собственности на строение, отделенное от права собственности на землю; такие строения признавались самостоятельными недвижимыми вещами, что в целом соответствует ст. 384.

По мнению Г.Ф. Шершеневича, «такие строения являются принадлежностью права застройки, но могут быть отчуждаемы как совместно, так и отдельно от него» [7, с. 420]. Утверждения автора подтверждают идею о том, что при правовой связи главной вещи и принадлежности, последнее не теряет самостоятельного качества вещей и может быть предметом гражданского оборота.

Гражданским кодексом РСФСР от 1922 деление вещей на движимые и недвижимые было упразднено в связи с отменой частной собственности на землю, которая была признана достоянием государства и исключена из гражданского оборота, за исключением случаев предоставления ее на праве пользования (ст. 21 ГК). При этом здания и прочие сооружения могли находиться также в личной или колхозно-кооперативной собственности (ст. 54 ГК).

«Владение землей» в советское время допускалось только на «правах пользования» (ст. 21 ГК РСФСР и ст. 95 ГК РСФСР 1964 г.), которые, однако, не считались гражданско-правовыми... как убедительно доказывалось в тогдашней литературе, с государством-собственником все эти «пользователи» состояли в сугубо административно-правовых отношениях... несмотря на использующуюся терминологию («права владения», и (или) «пользования» земельными участками) [6, с. 36].

Земельный участок в советский период де-факто не мог являться предметом вещных прав, соответственно, говорить о существовании единого объекта недвижимости как земельного участка с постройками на нем также не представляется возможным.

Свое исследование единого объекта недвижимости в современной России полагаю необходимым начать с изучения основных положений, касающихся регулирования права недвижимости.

Действующее российское законодательство, в том числе и судебная практика, выделяет 2 вида объектов недвижимости: *недвижимость в силу прямого указания закона* (абзац второй пункта 1 статьи 130 ГК РФ), а также *недвижимость в силу своих природных свойств* (абзац первый пункта 1 статьи 130 ГК РФ).

«Недвижимость в силу природы» также можно условно разделить на 2 подгруппы: первую можно условно обозначить как «естественную недвижимость» (земельные участки и неизвестные ГК РФ, но упоминаемые в Законе о регистрации 1997 г. участки недр), вторую – как «искусственную недвижимость» [1, с. 11], это объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в качестве примера ГК РФ приводит здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

В отличие от римского права российский правопорядок в качестве самостоятельных недвижимых вещей признает не только земельные участки, но и любые объекты, находящиеся на земельном участке, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно.

Однако вследствие отсутствия четких критериев отнесения того или иного объекта к категории недвижимости в едином государственном реестре недвижимости (далее - ЕГРН) зачастую бывают зарегистрированы вещные права на объекты, которые либо являются движимыми вещами, либо такие объекты и вовсе не обладают качеством самостоятельных вещей, даже при наличии тесной связи с землей. Так, не являются самостоятельными недвижимыми вещами следующие объекты: *бетонный забор* (решение АС г. Москвы от 12 июля 2019 года по делу А40-278846/2018), *асфальтированная площадка* (решение АС Оренбургской области от 18 июня 2018 года по делу №А47-16143/2017, определение Верховного Суда РФ от 08.06.2016 № 309-ЭС16-5619 по делу № А50-3545/2015), *инженерно-рисовая система* (Определение Верховного суда № 308-ЭС15-15218 по делу № А32-25579/2014).

Такие объекты, на мой взгляд, являются не чем иным, как составной частью земельного участка, поскольку, во-первых, они не обладают качеством самостоятельных вещей, а во-вторых, любые вещные права на них невозможны, право собственности земельного участка простирается на находящиеся на нем объекты (единство права), что является воплощением римской максимы *semper superficies solo cedere* - все находящееся на земле, но связанное с ней принадлежит (как *accessio*) собственнику земли [4, с. 110]. Поэтому, выводы, сделанные судебной практикой в этой части, являются хорошим подспорьем для дальнейшего развития модели единого объекта недвижимости в России.

Однако, при существующем ныне правовом регулировании, воплощение в полной мере модели единого объекта, т.е. признание составной частью земельного участка любого здания, сооружения не представляется возможным, вследствие препятствий *нормативного и правоприменительного характера*.

Для наглядности подобных причин можно проанализировать ситуацию застройки земельного участка его собственником.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 263 ГК РФ собственник земельного участка приобретает право собственности на здание, сооружение и иное недвижимое имущество, возведенное или созданное им для себя на принадлежащем ему участке. Однако из этого не следует, что право собственности возникает у собственника автоматически, поскольку согласно положениям, п.1 ст. 131 ГК РФ и п.2 ст. 8.1 ГК РФ права собственности на недвижимое имущество возникнет с момента государственной регистрации прав на такое имущество.

Что же из себя представляет такое здание и какими правами собственник земельного участка обладает по отношению к данному сооружению до государственной регистрации права собственности?

Первое предположение – *признать такое здание, сооружение составной частью земельного участка*, а право собственности собственника земельного участка будет распространяться на такой объект.

В российской судебной практике мы можем найти подобный подход, в частности, в п.7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 "Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения" говорится, что «собственник земельного участка имеет право на защиту своего права не только на земельный участок, но и на возведенное на нем *здание*,

являющееся по существу составной частью принадлежащего ему на праве собственности земельного участка».

Однако судебная практика решительную позицию Президиума ВАС не поддержала. Верховный Суд РФ в абз.3 п.38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" отметил, что «по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости (пункт 1 статьи 130 ГК РФ)... правомерно возведенное здание или сооружение *является объектом недвижимости*, в том числе до регистрации на него права собственности лица, в законном владении которого оно находится».

Из этих разъяснений Верховного суда следует, что здания, сооружения до их государственной регистрации являются *самостоятельным недвижимым имуществом*. При этом, в силу принципа обязательности записи для целей возникновения права (*принцип внесения*) собственника у здания до его государственной регистрации быть не может. Конституционный суд РФ в своих решениях неоднократно отмечал, что «устанавливая принадлежность недвижимого имущества конкретному лицу в публичном реестре обеспечивается защита прав других лиц, стабильность гражданского оборота и предсказуемость его развития»³. В ее отсутствие невозможен оборот недвижимости как особой категории вещей. Именно поэтому Верховный суд и говорит о законном владении такими объектами. И судебная практика на сегодняшний день исходит из такого же понимания п.38 ПП ВС № 25⁴.

Таким образом, незарегистрированное в ЕГРН здание, сооружение по российском гражданскому праву представляет собой самостоятельную недвижимую вещь и не имеющее собственника.

Несмотря на существующее правовое регулирование объектов недвижимости, идея закрепить в российском законодательстве модели единого объекта недвижимости *не чужда* отечественному законодателю.

В "Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации" (от 07.10.2009) в п.3.6.3 отмечается, что «в ГК РФ должна быть реализована модель единого объекта недвижимости, который возникает при совпадении в одном лице собственника земельного участка и собственника находящегося на нем недвижимого имущества. Дальнейшее отчуждение земельного участка без находящегося на нем объекта недвижимости не допускается».

В целях реализации названной концепции был издан Проект Федерального закона № 47538-6, принятый Государственной думой в первом чтении 27.04.2012, которым в ст. 130 ГК РФ предлагается внести ряд изменений. Изменения не касаются перечня недвижимых вещей, однако абз.2 п.2 ст.130 ГК РФ звучит следующим образом:

«Земельный участок и находящееся на нем здание, сооружение, объект незавершенного строительства, принадлежащие на праве собственности одному лицу, признаются единым объектом и участвуют в гражданском обороте как одна недвижимая вещь».

Хотя в норме и говорится о едином объекте недвижимости, она не воплощает в полной мере модели единого объекта недвижимости, поскольку в ней говорится об объектах, права на которые уже зарегистрированы, и они в обороте участвуют как одна вещь. Указанная формулировка в практическом отношении лишена смысла, поскольку и земельный участок, и постройки на нем должны принадлежать лицу на праве собственности, т.е. права на них должны быть зарегистрированы в установленном порядке, и после этой процедуры возможно распоряжение объектами (ст. 8.1 ГК РФ).

³ Постановления Конституционного суда от 26.05.2011 N 10-П, от 10.11.2016 N 23-П; определения КС от 05.07.2001 N 132-О и N 154-О, от 29.01.2015 N 216-О.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.12.2018 по делу N 310-ЭС18-13357, А14-14459/2017

Если вводить модель единого объекта недвижимости на переходном этапе развития отечественного законодательства без изменения перечня недвижимых вещей, то можно будет выстроить следующую правовую конструкцию: *«Возведенные собственником земельного участка на принадлежащем ему земельном участке здание, сооружение, объект незавершенного строительства до государственной регистрации права собственности на такие постройки признаются составной частью земельного участка и участвуют в гражданском обороте как одна недвижимая вещь»*.

Указанное предложение будет касаться частных случаев застройки земельного участка, например, под индивидуальное жилищное строительство. Это позволило бы лицам не обращаться к процедуре регистрации прав на постройку, тем самым ослабляя нагрузку на регистрирующие органы, и постепенно двигаться к полноценной модели единого объекта недвижимости.

Однако, подобная реформа требует от отечественного законодателя переосмысления представления о земельном участке. Следует рассматривать его не просто как часть земной поверхности (п.3 ст.6 ЗК РФ), а в качестве единого объекта недвижимости.

Таким образом, единый объект недвижимости, известный еще римским юристам и нашедший отражение в законодательстве ряда европейских стран, является крайне удобной концепцией для организации оборота недвижимости.

Советский период, признававший здания, сооружения в качестве самостоятельных недвижимых вещей и устанавливавший государственную монополию на землю уже далеко в прошлом, а значит, те предпосылки, которые препятствовали существованию единого объекта недвижимости, уже отпали.

На мой взгляд, российское право недвижимости требует проведения реформы, главной целью которой было бы признание земли и находящихся на ней зданий в качестве единого объекта вещных прав.

Закрепление указанной концепции в российском законодательстве не должно ограничиваться временными рамками и должно происходить поэтапно, признавая юридически действительными возникшие до реформы объекты недвижимости и отдельную собственность на них.

Список литературы:

1. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. – 80 с
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907. С.714
3. Митилино М.И. Право застройки: опыт цивилистического исследования института. Киев 1914 г. С. 268.
4. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право: Учебник. М.: Юристъ, 2004. 544 с.
5. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вещные права. М.: Статут, 2002. 800 с
6. Суханов Е.А. Вещное право. Научно-познавательный очерк. М.: Статут. 2017. 560 с.
7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е издание. Том. 1. М., 1914. С. 483.

ПРИВЕДЕНИЕ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ В СООТВЕТСТВИЕ С УСТАНОВЛЕННЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ: ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

Иконников Денис Романович

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет,

РФ, г. Санкт-Петербург

Федеральным законом от 03.08.2018 № 339-ФЗ в ст. 222 Гражданского Кодекса РФ были внесены изменения. Действующая редакция п. 2 ст. 222 ГК РФ устанавливает альтернативу сносу самовольной постройки в виде приведения ее в соответствие с параметрами, установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом (далее - установленные требования). Это правило означает принудительную реконструкцию объекта, что следует из ч. 10 ст. 55.32 Градостроительного кодекса (ГрК) РФ, в которой сказано, что такая реконструкция осуществляется в порядке, установленном главой 6 ГрК РФ [1, с. 59].

Механизм в виде приведения объекта в соответствие с установленными требованиями ранее встречался в судебной практике. Можно утверждать, что нынешняя редакция п. 2. ст. 222 ГК РФ в определенной мере развивает правовую позицию, выраженную в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», согласно которой «суд обязывает лицо к сносу самовольно реконструированного недвижимого имущества лишь в том случае, если будет установлено, что объект не может быть приведен в состояние, существовавшее до проведения таких работ». Однако сказанное могло быть применимо лишь к случаям самовольной реконструкции недвижимого имущества, в результате которой возник новый объект.

Верховный Суд в Определении от 23.06.2015 N 24-КГ15-6 разъяснил, что реконструкция недвижимости, в результате которой возник новый объект, представляет собой изменение характеристик, индивидуализирующих объект недвижимости (высоты, площади, этажности и пр.). В этом случае, если суд признал произведенную реконструкцию объекта недвижимости незаконной, то объект приводился в первоначальное состояние, существовавшее до такой реконструкции.

В настоящее время эти правила обрели более широкое применение. Правило о приведении постройки в соответствие с установленными требованиями теперь применяется не только к ситуации реконструкции объекта, но и к ситуациям, при которых возникает новый объект недвижимости в результате строительства. В этом случае суд, установив, что возведенный объект недвижимости не соответствует установленным правилам и требованиям, предоставляет застройщику право на легализацию объекта самовольной постройки путем приведения его в соответствие с установленными требованиями.

Законодатель в п. 3.2 ст. 222 ГК РФ указывает, что если лицо, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором была создана самовольная постройка, выполнило требование о приведении самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями, то оно приобретает право собственности на такое здание, сооружение или другое строение в соответствии с настоящим Кодексом. Указанное правило применимо и к арендаторам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, с оговоркой о том, что это не должно противоречить закону или договору.

Не смотря на то обстоятельство, что законодатель указывает лишь обладателей вещных прав либо арендаторов публичных земельных участков как лиц, имеющих право на

легализацию самовольной постройки, приведенной в соответствие с установленными требованиями, вопрос о возможности признания права собственности на самовольную постройку за арендаторами частных земельных участков ранее был решен в судебной практики в пользу таких лиц [2], и эти правила также должны применяться с учетом действующих разъяснений.

Данные законодательные новеллы следует приветствовать. Они направлены, прежде всего, на либерализацию института признания права собственности на самовольную постройку, поскольку в прежней редакции ст.222 ГК РФ обязательным условием признания права собственности на такой объект являлось соответствие постройки установленным требованиям. Теперь же, в том случае, если постройка не будет соответствовать установленным требованиям, но суд придет к выводу, что такое требование может быть выполнено позднее и что снос такого объекта приведет к более тяжким последствиям (это может быть обусловлено их социальной значимостью и немалой стоимостью), то суд выносит решение о приведении такой постройки в соответствие с установленными требованиями и указывает срок для приведения самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями.

Как указывается в п.3 ч.11 ст. 55.32 ГрК РФ, такое лицо обязано «осуществить приведение самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями в случае, если принято решение о сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие с установленными требованиями в срок, установленный указанным решением для приведения самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями».

После того как лицо выполнило требование о приведении постройки в соответствие с установленными требованиями, как указывается в п.3.2 ст.222 ГК РФ, лицо, приобретшее право собственности на здание, иное строение, возмещает лицу, осуществившему их строительство, расходы на постройку за вычетом расходов на приведение самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями.

Как следует из ч.12 ст.55.32 ГрК РФ, если лицо, которое создало или возвело самовольную постройку, а при отсутствии сведений о таком лице - правообладатель земельного участка, на котором создана или возведена самовольная постройка, не выполнили обязанности по приведению объекта в соответствие с установленными требованиями, то орган местного самоуправления должен выполнить одно из следующих действий:

- в течение семи рабочих дней со дня истечения срока направить уведомление об этом в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления при условии, что самовольная постройка создана или возведена на публичном земельном участке;
- в течение шести месяцев со дня истечения срока обратиться с требованием об изъятии земельного участка и о его продаже с публичных торгов при условии, что самовольная постройка создана или возведена на частном земельном участке;
- в течение шести месяцев со дня истечения срока обратиться в суд с требованием об изъятии земельного участка и о его передаче в публичную собственность при условии, что самовольная постройка создана или возведена на земельном участке, находящемся в частной собственности, и такой земельный участок расположен в границах территории общего пользования.

В последних двух случаях после реализации на публичных торгах земельного участка, на котором располагается самовольная постройка, к новому собственнику земельного участка переходит обязанность по приведению самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями. Исполнение такой обязанности дает такому лицу право на приобретение соответствующего объекта в собственность (ч. 8 ст. 55.32 ГрК РФ).

Таким образом, законодательное нововведение о приведении самовольного объекта в соответствие с установленными требованиями как альтернатива сносу самовольного объекта направлено на учет соразмерности последствий возведения или создания объекта самовольного строительства.

Указанное правило позволит в наибольшей степени учитывать интересы частных лиц, поскольку, во-первых, позволит сократить издержки застройщиков, вызванные необходимостью

сноса таких объектов, а во-вторых, обеспечит сохранность особо важных жизненных интересов граждан в том случае, если самовольной постройкой будет являться многоквартирный дом, снос которого может повлечь более неблагоприятные последствия, нежели приведение в соответствие с установленными требованиями.

Список литературы:

1. Петрищев В.С., Подмаркова А.С. Очередная реформа норм о самовольном строительстве: оценка новелл. Закон. 2019. № 2. С. 56-69.
2. "Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014).

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРАВА НА ОТМЕНУ РАНЕЕ ИЗДАННОГО АКТА НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Иконников Денис Романович

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет,

РФ, г. Санкт-Петербург

Право органов местного самоуправления на отмену либо приостановление ранее изданных муниципальных правовых актов закреплено в части 1 статьи 48 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Согласно данной норме, муниципальные правовые акты могут быть отменены или их действие может быть приостановлено органами местного самоуправления или должностными лицами местного самоуправления, принявшими (издавшими) соответствующий муниципальный правовой акт.

Данная норма предоставляет органам местного самоуправления достаточно обширные полномочия для принятия решения об отмене (приостановлении) ранее изданного акта. Однако эти полномочия не могут быть безграничными. Границы усмотрения органов местного самоуправления при принятии решения об отмене (приостановлении) ранее изданного акта ограничиваются как нормативными, так и объективными пределами. Нормативные пределы усмотрения устанавливаются в нормативных правовых актах, а его объективные пределы определяются характером регулируемых отношений и различными социальными факторами, влияющими на процесс принятия решения [1, с. 169].

В ходе анализа судебной практики было выявлено, что органы местного самоуправления при принятии правовых актов, которыми отменялось либо приостанавливалось действие ранее изданных правовых актов (далее – отменяющие акты), допускали выход за пределы предоставленных им Законом полномочий. Представляется возможным систематизировать основные нарушения, допущенные органами местного самоуправления, следующим образом:

1) Отсутствие необходимого обоснования, мотивировки при принятии отменяющего акта является достаточным основанием для признания его судом недействительным [2].

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, положение ч. 1 ст. 48 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не исключает возможности судебного контроля принимаемых органами местного самоуправления решений, а сами решения об отмене или приостановлении действия ранее изданных муниципальных правовых актов **не могут носить произвольный характер, должны быть законными и обоснованными** (определения от 26.05.2011 № 739-О-О, от 22.03.2012 № 486-О-О, от 29.01.2015 № 140-О).

10 ААС суд в Постановлении от 25.01.2017 № 10АП-16377/2016 по делу № А41-20158/16 указал, что, реализуя право отмены ранее принятых ненормативных актов в порядке части 1 статьи 48 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ, полномочный орган или должностное лицо обязаны обосновать необходимость отмены правового акта и указать в чем заключается его несоответствие закону.

В этом смысле, решения об отмене или приостановлении действия ранее изданных муниципальных правовых актов будут носить произвольный характер, и, как следствие, являться незаконными, если в них отсутствует необходимое правовое обоснование, мотивировка принятия такого решения.

2) Сами по себе протест, представление прокурора не являются для органов местного самоуправления достаточным основанием для отмены ранее изданного акта.

Суды при признании недействительными отменяющих актов указывали следующее:

«Вынесение протеста прокурора не является безусловным основанием для отмены актов, указанных в протесте, а является основанием для рассмотрения данного протеста и указанных в нем оснований» [3].

«По смыслу приведенных положений Закона (Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» – прим. автора) а также с учетом того, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы, само по себе представление прокурора может содержать лишь предложение по устранению выявленных с позиции прокурора нарушений закона и не приводит к возникновению, изменению, прекращению прав лица, которому оно выдано» [4], «кроме того, Федеральным законом № 2202-1 не предусмотрено полномочие прокурора требовать отмены постановления органа местного самоуправления» [5].

3) Более того, орган местного самоуправления не вправе отменять ранее изданный акт лишь на основании требований органов внутренних дел.

Как было отмечено 10 ААС в Постановлении от 17.11.2017 № 10АП-15538/2017 по делу № А41-51654/17, действующим уголовным, уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрены полномочия органов внутренних дел требовать отмены постановления органа местного самоуправления путем обращения в администрацию муниципального района.

4) Органы местного самоуправления не вправе в порядке самоконтроля отменять ранее изданный акт, если на основании него возникли гражданско-правовые отношения.

Суды в большинстве случаев признавали незаконным отмену органами местного самоуправления ранее изданных актов, на основании которых был заключен гражданско-правовой договор, например, договор аренды, купли-продажи публичного земельного участка.

Так, 10 ААС в Постановлении от 24.11.2017 № 10АП-15178/2017 по делу № А41-35835/17 указал, что поскольку «между заявителями и заинтересованным лицом возникли гражданские правоотношения, которые не могут быть прекращены путем отмены ранее изданного ненормативного акта в порядке самоконтроля... После заключения договора аренды на основании ненормативного акта о предоставлении земельного участка, публично-правовые отношения, связанные с действием такого акта, прекращаются ввиду возникновения между сторонами отношений гражданско-правового характера, основанных на заключенном договоре аренды... Возникшие в данном случае гражданские права заявителей в отношении земельных участков могут быть прекращены на основании соглашения между сторонами, либо могут быть оспорены только в судебном порядке, возможность решения этого вопроса в административном порядке законодательством не допускается».

Интересна позиция 10 ААС, который в Постановлении от 17.11.2017 № 10АП-15538/2017 по делу № А41-51654/17 указал, что «полномочия администрации по самоконтролю в виде отмены или приостановления действия принятого ею ненормативного акта не могут распространяться на неограниченный период времени, если такой ненормативный акт породил вещные права на недвижимое имущество у лица, в отношении которого он был принят, и подменять собой судебный контроль за вынесенным актом, действительности сделки, заключенной на основании указанного акта».

В Постановлении от 17.03.2017 № 10АП-2201/2017 по делу № А41-74585/16 10 ААС отметил, что «отменяя постановление № 6978 от 31.12.2014 г. «О предоставлении в собственность за плату земельного участка ЗАО «Концерн АйсРос», Администрация городского округа Домодедово Московской области имела цель восстановление в последующее время нарушенного права городского округа на земельный участок...возникшие в данном случае гражданские права могут быть оспорены только в судебном порядке, возможность решения этого вопроса в административном порядке законодательством не допускается».

Однако, в ходе анализа судебной практики была обнаружена и противоположная позиция суда, так, например, в постановлении 10 ААС от 13.05.2016 № 10АП-4487/2016 по делу № А41-101167/15 суд указал, что «отмена постановления Администрации № 4050-ПА от 31.12.2014 г. "О предоставлении земельного участка ЗАО «СМУ-5» не влечет прекращение договора аренды спорного земельного участка либо признание его недействительным».

Следует признать практику, в которой суды признавали незаконной отмену органами местного самоуправления ранее изданных актов, на основании которых возникли гражданско-правовые отношения, единственно верной и правильной, поскольку, как верно отмечали суды, акт

муниципального образования после заключения на его основе гражданско-правового договора становится частью сложного юридического состава, и, отменяя муниципальный правовой акт, орган местного самоуправления в отсутствии законных оснований лишает субъекта оснований его права собственности, аренды и т.п.

Таким образом, анализ применения норм, регулирующих отмену и приостановление муниципальных правовых актов органами местного самоуправления принявшими (издавшими) соответствующий муниципальный правовой акт демонстрирует, что современное положение ч. 1 ст. 48 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» требует более тщательной нормативной регламентации. Является нередкой практика, когда органы местного самоуправления отменяют ранее изданные акты лишь со ссылкой на часть 1 статьи 48 вышеуказанного Федерального Закона, который не устанавливает ни требований к отменяющему акту, ни пределы дискреционных полномочий органов местного самоуправления при принятии решения об отмене (приостановлении) ранее изданного акта.

Список литературы:

1. Шарнина Л.А. Административное усмотрение в сфере экономики: основания и пределы // Труды Института государства и права РАН. 2018. №5. С. 151-173.
2. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда (далее – 10 ААС) от 28.04.2016 № 10АП-4592/2016 по делу № А41-410/16, Постановление 10 ААС от 24.05.2016 № 10АП-5742/2016 по делу № А41-101540/1, Постановление 10 ААС от 24.02.2016 № 10АП-172/2016 по делу № А41-37130/15.
3. Постановление 10 ААС от 08.06.2018 № 10АП-5777/2018 по делу № А41-51945/17.
4. Постановление 10 ААС от 25.01.2017 № 10АП-16377/2016 по делу № А41-20158/16.
5. Постановление 10 ААС от 23.05.2018 № 10АП-930/2018 по делу № А41-27921/16.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЧИСЛЕНИЯ НЕУСТОЙКИ НА ОБЩУЮ СУММУ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Комиссаров Михаил Васильевич

магистрант,

Дальневосточный институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России),

РФ, г. Хабаровск

CURRENT PROBLEMS OF CALCULATION OF NON-RESISTANCE ON THE TOTAL AMOUNT OF THE CONTRACT CONTRACT

Mikhail Komissarov

Master student,

Far Eastern Institute (branch)

of the All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Russia, Khabarovsk

Аннотация. В статье рассматриваются особенности начисления неустойки на общую сумму договора. Дан анализ правовым подходам судебной практики, нормативно-правовым актам, регламентирующие начисление неустойки на общую сумму договора.

Abstract. The article discusses the features of calculating a penalty on the total amount of the contract. An analysis is given of the legal approaches of judicial practice, regulatory legal acts regulating the accrual of penalties for the total amount of the contract.

Ключевые слова: договор строительного подряда, начисление неустойки на общую сумму договора.

Keywords: construction contract, calculation of a penalty for the total amount of the contract.

Анализ судебной практики показывает, что часть судебных споров из отношений по договору строительного подряда проистекает в связи с нарушением условий о начальном и конечном сроке выполнения работ.

В связи с этим, открытым на наш взгляд остаётся вопрос – имеет ли заказчик право начислять неустойку на общую сумму договора, без учета частичного исполнения подрядчиком выполненных работ.

Например, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 5870/13 от 29 октября 2013 года констатируется:

«В данном случае, истолковав условие о неустойке за нарушение подрядчиком условий договора, суд приходит к выводу, что стороны при заключении договора выразили свое согласие с порядком начисления неустойки от общей стоимости работ по договору за каждый день просрочки, что не противоречит нормам Гражданского кодекса РФ».

Такой подход, представляется не целесообразным и не логичным и, что не менее важно, не основывается на нормах Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее - ГК РФ).

Так, согласно п. 4 ст. 1 ГК РФ [2] (далее - ГК РФ) никто не вправе извлекать преимущества из своего недобросовестного поведения.

Пункт 1 ст. 10 ГК РФ [3] (далее - ГК РФ), например, гласит, что не допускается действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

В качестве примера о том, что начисление неустойки на общую сумму договора без учета надлежащего исполнения части работ, является злоупотреблением правом, можно привести следующую правовую позицию, изложенную в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 5467/14 от 15 июля 2013 года.

Так, из указанного постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ следует, «что начисление неустойки на общую сумму договора может привести к нарушению принципа юридического равенства, предусмотренному пунктом 1 статьи 1 ГК РФ, создав преимущественные условия кредитору, которому, следовательно, причитается компенсация не только за не исполненное в срок обязательство, но и за те работы, которые были выполнены надлежащим образом. Между тем превращение института неустойки в способ обогащения кредитора недопустимо и противоречит ее компенсационной функции».

Мы видим, что ВАС РФ по собственной инициативе применил положения п. 1 ст. 10 ГК РФ [4] (далее - ГК РФ).

В связи с этим, вызывает на наш взгляд практический интерес о том, обязан ли суд исследовать вопрос, на «каких условиях согласовывался сторонами договор?».

Так, например, отменяя постановление апелляционной инстанции, решение суда первой инстанции и направляя дело на новое рассмотрение, Арбитражный суд Дальневосточного округа в кассационном постановлении № Ф03-2884/2020 от 28 августа 2020 г. по делу А04-7545/2019 г. исходил из того, что «применение одинакового размера ответственности как за незначительное, так и за серьезное нарушение, ведет к нарушению баланса между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой последствий ненадлежащего исполнения обязательств».

Также следует отметить, что применение статьи 421 ГК РФ о свободе договора не должно вступать в противоречие с принципом добросовестности участников гражданского процесса.

В данном случае остался за рамками обсуждения вопрос о том, при каких условиях согласовывался договор с точки зрения прав его участников, в то время как ответ на этот вопрос влияет на возможность применения разъяснений пункта 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Думается, что с учётом императивного положения закона о недопустимости злоупотребления правом, возможность квалификации судом действий лица как злоупотребление правом, не зависит от того, ссылалась ли другая сторона спора на злоупотребление правом противной стороной. Суд вправе по своей инициативе отказать в защите права злоупотребляющему лицу. Такой вывод следует из п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Таким образом, не должно подлежать оценке судом обстоятельства связанные с тем: «на каких условиях согласовывался сторонами договор».

Так, как сам по себе факт, закрепления в договоре строительного подряда право заказчика на получение неустойки (пени) от общей стоимости работ по договору за каждый день просрочки» является незаконным и должен признаваться судами ничтожным.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1996 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2019) // СПС «Консультант Плюс»;

Судебная практика

2. Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»;

3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 5870/13 от 29.10.2013 года – URL: <https://kad.arbitr.ru>;

4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 5467/14 от 15.07.2013 года – URL: <https://kad.arbitr.ru>;
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» // СПС «Консультант Плюс»;
6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа № Ф03-2884/2020 от 28.08.2020 г. по делу А04-7545/2019 г. – URL: <https://kad.arbitr.ru>.

РЕВОЛЮЦИЯ АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Минаева Инна Юрьевна

магистрант,
Международный Юридический Институт,
РФ, г. Москва

Матвеев Виталий Юрьевич

научный руководитель,
Международный Юридический Институт,
РФ, г. Москва

REVOLUTION OF APPEAL COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Inna Minaeva

Master student,
International Law Institute,
Russia, Moscow

Vitaly Matveev

Scientific director,
International Law Institute,
Russia, Moscow

Аннотация. Произошла долгожданная, так называемая, процессуальная революция, которая привнесла новизну и необратимые поправки в законодательство. Ранее суды общей юрисдикции совмещали в себе одну или же несколько инстанций, последовательно осуществляя функционал суда первой инстанции, апелляционной, а иногда и кассационной, чтобы осуществлять принцип независимости правосудия. Чтобы обеспечить большую независимость судов, апелляционные и кассационные инстанции организовали так, чтобы судебные решения проверялись за пределами областей и иных субъектов России. Какие именно изменения произошли разберем в статье.

Abstract. There was a long-awaited, so-called procedural revolution, which brought novelty and irreversible amendments to the legislation. Previously, courts of General jurisdiction combined one or several instances, consistently performing the functions of the court of first instance, appeal, and sometimes cassation, in order to implement the principle of independence of justice. In order to ensure greater independence of the courts, the courts of appeal and cassation have arranged for judicial decisions to be checked outside the regions and other subjects of Russia. What changes have occurred will be discussed in the article.

Ключевые слова: Апелляционная жалоба, заявление о восстановлении пропущенного срока, суд общей юрисдикции, нововведения, кассационные суды общей юрисдикции, апелляционное производство, беспристрастность судов, процессуальная реформа, арбитражный суд, верховный суд, рассмотрение дела.

Keywords: a complaint of Appeal, application for the restoration of a missed deadline, court of general jurisdiction, innovations, cassation courts of general jurisdiction, appeal proceedings, impartiality of courts, procedural reform, arbitration court, supreme court, consideration of a case

Многие уже знают и ждали открытия новых судов общей юрисдикции, еще осенью 2017 года Пленум Верховного суда предложил так называемую процессуальную революцию,

которая привнесла некоторую новизну в законодательство. В июле 2018 года президент России подписал закон об апелляционных и кассационных СОЮ, которые начали свою деятельность в начале осени 2019 года и повысили независимость судов.

Первый апелляционный суд общей юрисдикции расположен в Москве, ул. Вереysкая 29 строение 24, там же расположен и кассационный суд, считается он вторым.

Так как с 1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», произошло изменение гражданского процессуального производства и регулирование института апелляции. Апелляционные суды общей юрисдикции стали судами второй инстанции, хотя ранее суды общей юрисдикции совмещали в себе одну или же несколько инстанций, осуществляя функции суда первой инстанции, апелляционной, а иногда и кассационной, для осуществления принципа независимости правосудия. Чтобы обеспечить большую независимость судов, апелляционные и кассационные инстанции организованы так, чтобы судебные решения проверялись за пределами областей и иных субъектов России. Такая организация способствует беспристрастности судов и более тщательной проверке дел на законность и обоснованность. Ранее пересмотром дел судов субъектов, республик РФ, краевых и областных занималась коллегия Верховного суда РФ, теперь Верховный суд освобожден от рассмотрения дел в качестве апелляционной инстанции и это стало делом новых СОЮ. Кассационные суды общей юрисдикции, также, как и апелляционные, рассматривают дела в качестве суда кассационной инстанции и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Они вышестоящая судебная инстанция в отношении действующих на территории соответствующего округа к федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям. Очень хорошо, что новые СОЮ не подвластны территориальности и возможному давлению со стороны районных государственных органов, в случае обжалования дела в апелляционном суде общей юрисдикции можно получить законное разбирательство по делу, т.к. суд будет проверять все нюансы и доводы по делу, и вынесет максимально справедливое решение.

Появились некоторые новые правила подачи жалобы, иска в апелляционный СОЮ, необходимо приложить документы об отправке её экземпляров сторонам участвующим в деле, что до осени 2019 года делал сам суд первой инстанции, если нарушить данный пункт, жалобу оставят без движения и придется ждать определение суда, устранять недочеты, снова подавать исправленный иск и заявление об исправленных ошибках. А это дополнительно упущенное время на пути к назначению дня заседания. Еще нюансы нового процессуального законодательства- во всех заседаниях будут вести аудио протоколирование, как в первой инстанции, так и в апелляции. С одной стороны, это облегчает жизнь в процессе всем сторонам, так как все можно послушать в записи, а с другой стороны придется следить за каждым своим словом и аргументом, так как вторая сторона может использовать прослушанную запись в своих целях и против другого участника процесса. Алгоритм подачи жалобы теперь таков: подавать апелляцию на решение мирового судьи необходимо в районный суд, районного суда в областной, а решение областного суда по первой инстанции обжалуется в апелляционном Суде общей юрисдикции. Уже есть решения СОЮ которые пересматривали дело Верховного суда и часть решения была отменена при подробном разбирательстве и учете всех нюансов в деле. Суды общей юрисдикции несомненно повышают качество рассмотрения жалоб и увеличивают гарантии судебной защиты.

Еще одно обновление закона с ноября 2019 года коснулось требований к представителям сторон, одинаково для апелляционных, кассационных СОЮ и Верховных судов, будут допущены в заседание только представители со статусом адвоката, с наличием диплома о высшем юридическом образовании либо кандидаты или доктора наук. А, в заседаниях мировых судей и районных судах, действуют старые правила.

В переходный же период, если апелляционные жалобы поступили в суды до вступления в силу новых поправок, но еще не были рассмотрены, такие жалобы рассматривались по «старым» правилам. Как в случаях, когда жалоба только поступила в суд первой инстанции и еще не были переданы на рассмотрение. С Кассационными жалобами, которые вступили

в силу до начала работы новых судов, иная ситуация, они должны рассматриваться в новых кассациях в период шести месяцев. Заявление о восстановлении срока подачи кассационной жалобы необходимо подавать в новую кассацию. А до этого дня, как и раньше, в суд первой инстанции.

Участники процесса имеют право пожаловаться в Верховный суд, даже в случае если они уже подавали жалобу в областной. И нельзя не сказать о том как вести дела с административными правонарушениями, жалобы в период после нововведений необходимо подавать в новые апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции. [1]

В связи с вступлением в силу новых правил, суды будут возвращать заявителям иски, поданные с нарушением подсудности, к примеру, в арбитражный суд вместо суда общей юрисдикции и наоборот. Но если ошибка обнаружится уже после принятия заявления к производству, в этом случае суд самостоятельно передаст дело по подсудности самостоятельно, но могут и оставить дело без движения, в таком случае передачу придется осуществить самостоятельно. Арбитражный суд рассмотрит дело, поступившее до вступления новых правил, в том же порядке и том же составе суда. Если сторона по делу пожаловалась в Верховный суд и судья передал дело на рассмотрение коллегии до вступления в силу новых правил, то и рассмотрено такое дело будет по «старым» законам.

В случае если было вынесено определение об отказе в восстановлении срока, оно само может быть обжаловано, да и никто не мешает найти еще одного заявителя апелляционной жалобы. Получив жалобу, суд первой инстанции должен сообщить об этом суду апелляционной инстанции, а тот должен снять жалобу с рассмотрения и направить дело в суд первой инстанции для разрешения вопроса о принятии жалобы к производству» [5].

В целом сложился широкий перечень основания для возвращения дела в суд первой инстанции [6], «суды апелляционной инстанции возвращают материалы дела в суд первой инстанции, в случаях если жалоба была подана по истечении установленного срока обжалования решения, суд первой инстанции не разрешил ходатайства лиц, подавших апелляционную жалобу, в решении суда не исправлены ошибки, судом первой инстанции не было принято дополнительного решения по делу, апелляционная жалоба была подана лицом, не имеющим полномочий на обжалование судебного постановления, есть необходимость проведения служебной проверки, а также по ряду других причин» [3].

Выводы. Новые суды общей юрисдикции дают возможность разгрузить Высшие суды, структурировать процесс устранения ошибок в судах, по средствам проверки решений первой инстанции на законность, что несомненно способствует повышению качества рассмотрения жалоб, а также увеличивает гарантии судебной защиты, и обоснованному изменению приговора.

Список литературы:

1. Постановление Пленума ВС «О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». <http://13.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения 18 ноября 2020).
2. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» <http://www.consultant.ru> (дата обращения 18 ноября 2020).
3. Батурина Н.А. Возвращение апелляционной жалобы с делом в суд первой инстанции для устранения недостатков, препятствующих апелляционному рассмотрению // Администратор суда. 2018. № 1. С. 3–6.
4. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие / Е.А. Борисова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2016.

5. Латыев А.Н. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса России: взгляд с другой стороны // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 46–70.
6. Спиричева О.А. Существенные различия арбитражного и общегражданского процесса, влияющие на скорость судебного разбирательства // Администратор суда. 2019. № 1. С. 7–11.
7. Латыев А.Н. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса России: взгляд с другой стороны // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 46–70.
8. Спиричева О.А. Существенные различия арбитражного и общегражданского процесса, влияющие на скорость судебного разбирательства // Администратор суда. 2019. № 1. С. 7–11.
9. Батурина Н.А. Возвращение апелляционной жалобы с делом в суд первой инстанции для устранения недостатков, препятствующих апелляционному рассмотрению // Администратор суда. 2018. № 1. С. 3–6.
10. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие / Е.А. Борисова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2016.
11. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» <http://www.consultant.ru> (дата обращения 18 ноября 2020).

ДОГОВОР ВОЗМЕДНОГО ОКАЗАНИЯ ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Сетсалиева Зарема Исмаиловна

магистрант

*Башикирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы,
РФ, г. Уфа*

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос оказания платных образовательных услуг - договора возмездного оказания образовательных услуг, в настоящее время широко распространенный не только в системе негосударственных (частных), но и государственных образовательных учреждениях. Однако правовые отношения, возникающие в процессе оказания образовательных услуг, нуждаются в глубоком теоретическом исследовании и надлежащем правовом регулировании, поскольку имеют место пробелы и противоречия в законодательных нормах. В законодательстве отсутствует легальное определение данного договора, что создает проблемы в правоприменительной практике.

Особую значимость приобретает необходимость законодательного закрепления исчерпывающего перечня оснований одностороннего расторжения договора возмездного оказания образовательных услуг по инициативе образовательного учреждения, а также критериев качества образовательной услуги. В отдельном исследовании нуждается вопрос о гражданско-правовой ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора возмездного оказания образовательных услуг.

В настоящее время назрела необходимость системного исследования проблем правового регулирования договора возмездного оказания образовательных услуг.

В связи с тем, что правовое регулирование договора возмездного оказания образовательных услуг является недостаточным, установлена целесообразность включения в Закон об образовании (1) отдельной главы «Договор возмездного оказания образовательных услуг», содержащей следующие статьи: договор возмездного оказания образовательных услуг; стороны договора возмездного оказания образовательных услуг; перечень документов, необходимых для поступления в образовательное учреждение; срок договора; форма договора; существенные условия договора; цена договора (стоимость образовательных услуг и порядок осуществления расчетов между исполнителем и заказчиком); права и обязанности сторон; изменение договора по инициативе обучающегося; изменение договора по инициативе образовательного учреждения; расторжение договора по соглашению сторон; расторжение договора по инициативе обучающегося; расторжение договора по инициативе образовательного учреждения; ответственность сторон по договору.

Оказание образовательных услуг обучающемуся как платно, так и бесплатно (на бюджетной основе) производится на основании договора возмездного оказания услуг. Данный договор является возмездным всегда, поскольку оплата услуг производится заказчиками (государством, муниципальными образованиями), т.е. не бесплатно для исполнителя (образовательного учреждения). Поэтому к правоотношениям по оказанию образовательных услуг обучающемуся бесплатно должны применяться положения Гражданского кодекса Российской Федерации (2) о договоре возмездного оказания услуг и положения Закона РФ «О защите прав потребителей» (3).

По договору возмездного оказания образовательных услуг образовательное учреждение либо иная образовательная организация, созданная в организационно-правовой форме некоммерческой организации, либо в отдельных случаях занимающийся индивидуальной трудовой педагогической деятельностью гражданин (исполнитель) обязуется оказать физическому лицу - потребителю образовательных услуг (обучающемуся), прошедшему по конкурсу и обязанному выполнять учебный план, образовательные услуги по воспитанию и обучению в рамках образовательной программы дошкольного, начального общего, основного общего,

среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального, послевузовского профессионального образования, а также дополнительного образования взрослых и детей, а физическое лицо, юридическое лицо, государство и (или) муниципальное образование (заказчик) обязуется оплатить эти услуги.

Исполнитель по договору возмездного оказания образовательных услуг - это государственное (федеральное или находящиеся в ведении субъекта РФ), муниципальное или негосударственное (частное) образовательное учреждение, либо иная негосударственная образовательная организация, созданная в организационно-правовой форме некоммерческой организации, либо в отдельных случаях гражданин, занимающийся индивидуальной трудовой педагогической деятельностью, имеющие целью своей деятельности оказание образовательных услуг по воспитанию и обучению в рамках образовательной программы.

В целях совершенствования механизма защиты прав обучающегося и (или) заказчика необходимо отнести и закрепить в Законе об образовании в качестве существенных условий договора возмездного оказания образовательных услуг следующие условия: предмет договора; срок оказания образовательных услуг; цена договора (стоимость образовательных услуг, форма и порядок их оплаты); ответственность сторон.

При этом в договоре возмездного оказания образовательных услуг должны находить обязательное отражение несколько структурных элементов его предмета: уровень и направленность образования; форма обучения; перечень предусмотренных государственным образовательным стандартом и учебными планами образовательных услуг; неовеществленный положительный результат оказания образовательных услуг, подтверждаемый документом об образовании, с указанием на вид такого документа.

Однако, п. 2 ст. 782 ГК РФ, закрепляющий право исполнителя отказаться от исполнения своих обязательств по договору возмездного оказания услуг при условии полного возмещения заказчику убытков, предоставляет возможность для злоупотреблений со стороны образовательного учреждения путем включения в договор возмездного оказания образовательных услуг права исполнителя в одностороннем порядке расторгать договор в случаях неоплаты, просрочки оплаты образовательных услуг обучающимся, а также отчисления обучающегося за неуспеваемость.

В связи с этим обоснован вывод о том, что необходимо привести данную норму в соответствие с положениями ст. 310 ГК РФ, и закрепить в Законе об образовании исчерпывающий перечень оснований одностороннего расторжения договора возмездного оказания образовательных услуг по инициативе исполнителя. При этом также следует регламентировать вопрос расчетов между сторонами договора.

В целях защиты прав и интересов обучающихся, необходимо конкретизировать в Законе об образовании критерии качества образовательной услуги и механизм его определения, а также основания и меры гражданско-правовой ответственности образовательного учреждения.

При этом представляется целесообразным установить, что на качество образовательной услуги непосредственно влияют следующие критерии: методическая и научная несостоятельность членов педагогического состава; замена членов педагогического состава на специалистов ниже той квалификации и образовательного уровня, которые установлены при заключении договора; отмена и замена установленных учебным планом и расписанием занятий; сокращение времени обучения и содержания учебных программ; нарушение требований государственных образовательных стандартов при осуществлении образовательной деятельности; приостановление образовательной деятельности образовательного учреждения в связи с отзывом лицензии; лишение образовательного учреждения государственной аккредитации.

Договору возмездного оказания образовательных услуг присущи все признаки, характерные для гражданско-правовых договоров. Договор возмездного оказания образовательных услуг является возмездным, взаимным (двусторонним), встречным обязательством, консенсуальным, каузальным, публичным, срочным договором, а также договором присоединения.

Договор возмездного оказания образовательных услуг относится к группе публичных договоров по следующим основаниям. Во-первых, обучающийся имеет право требовать для себя тех условий обучения, которые обозначены в уставе образовательного учреждения.

Во-вторых, образовательное учреждение обязано заключить договор с любым желающим, прошедшим соответствующие испытания (экзамены) и выдержавшим конкурс. В-третьих, образовательное учреждение не вправе оказывать предпочтение одному обучающемуся по сравнению с другим в отношении заключения договора, кроме случаев, предусмотренных законом и иными нормативными правовыми актами.

Одновременно договор возмездного оказания образовательных услуг является договором присоединения, поскольку обучающийся должен выполнять все обязанности, установленные в образовательном учреждении для обучаемых лиц, и у него отсутствует право вносить изменения в образовательный процесс, т.е. он может только присоединиться к условиям договора.

Выявлено отсутствие в действующих нормативно-правовых актах понятия договора возмездного оказания образовательных услуг, что является препятствием для цивилизованного развития возмездных образовательных услуг с гарантированной защитой интересов всех его участников.

В силу публичности договора возмездного оказания образовательных услуг его цена должна быть одинаковой для всех обучающихся, если иное не предусмотрено законом или иными правовыми актами. Однако образовательные учреждения отдельным категориям обучающихся, чаще всего отличникам, предоставляют льготы по оплате обучения. Подобная практика стимулирует обучающихся к приобретению знаний, и ее необходимо закрепить в Законе об образовании в соответствии с правилами п. 2 ст. 426 ГК РФ о том, что «цена товаров, работ и услуг, а также иные условия публичного договора устанавливаются одинаковыми для всех потребителей, за исключением случаев, когда законом и иными правовыми актами допускается предоставление льгот для отдельных категорий потребителей». Аналогично должен быть решен вопрос и в отношении категории социально не защищенных лиц (например, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

С учетом требований п. 1 ст. 162 ГК РФ договор возмездного оказания образовательных услуг заключается в простой письменной форме. Однако в настоящее время только при обучении в некоторых типах образовательных учреждений установлена обязательная письменная форма договора, например, в ВУЗах и учреждениях среднего профессионального образования). Школы же, заключая договор с обучающимися и их родителями, выбирают в основном устную форму договора.

При этом представляется целесообразным установить, что на качество образовательной услуги непосредственно влияют следующие критерии: методическая и научная несостоятельность членов педагогического состава; замена членов педагогического состава на специалистов ниже той квалификации и образовательного уровня, которые установлены при заключении договора; отмена и замена установленных учебным планом и расписанием занятий; сокращение времени обучения и содержания учебных программ; нарушение требований государственных образовательных стандартов при осуществлении образовательной деятельности; приостановление образовательной деятельности образовательного учреждения в связи с отзывом лицензии; лишение образовательного учреждения государственной аккредитации.

Список литературы:

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2020 года. www.zakon-ob-obrazovanii.ru
2. ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации www.zakonrf.info
3. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей». www.legalacts.ru
4. <http://www.dslib.net/civil-pravo/dogovor-vozmездnogo-okaz...orii-i-praktiki.html>

СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ИМУЩЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Акимова Виктория Викторовна

студент,

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
РФ, г. Новосибирск*

Хорошева Анастасия Сергеевна

студент,

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
РФ, г. Новосибирск*

Семенцов Никита Сергеевич

научный руководитель,

канд. экон. наук, доцент,

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
РФ, г. Новосибирск*

В случае рассмотрения дела о банкротстве должника, а именно юридического лица, на основании ст. 27 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ может быть назначена одна из процедур банкротства. Это может быть процедура наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства, а также мирового соглашения. Назначение любой из этих процедур может предполагать необходимость в привлечении специалистов в области оценки имущества организации. Это регламентировано в раннее упомянутом нормативно-правовом акте. В соответствии с ним Арбитражный управляющий назначает оценщика для определения стоимости имущества должника и производит оплату его услуг за счет имущества должника в случаях, предусмотренных ч.1 ст. 130 127-ФЗ [2].

Такая сторона, как кредиторы, в результате дела о банкротстве крайне заинтересованы в том, чтобы должник погасил все имеющиеся у него перед ними задолженности. Источником для удовлетворения данных требований служат денежные средства, вырученные в результате продажи имущества должника. Данные мероприятия проходят в виде торгов, которые осуществляет уполномоченное на это лицо – арбитражный управляющий.

Однако следует учесть тот факт, что денежных средств, полученных в результате проведенных торгов (реализации имущества должника), может быть недостаточно для погашения всех задолженностей перед кредиторами. Данную угрозу устранить нельзя. Однако в качестве минимизации рисков выступает возможность контролировать установление начальной стоимости объектов имущества, которое было непосредственно выставлено на торги. Это важно, поскольку занижение данной стоимости может привести к потере вырученных денежных средств, что, в свою очередь, повлечет вероятность неполного удовлетворения всех требований кредиторов [4].

Оценка первичной стоимости имущества организации, выставленного на торги, проводится специально уполномоченным лицом – оценщиком, которое должно соответствовать перечню требований, перечисленных действующим законодательством РФ об оценочной деятельности. Следует отметить, что данное лицо не может быть заинтересованным в отношении других лиц, причастных к делу о банкротстве [1]. Стоит отметить, что мероприятие по привлечению оценщика к процедуре банкротства не носит обязательный характер.

Работа оценщика в ходе процедуры банкротства имеет собственную специфику, нежели в ходе обычных оценочных услуг. Так получилось, что порядок оказания услуг в сфере оценки имущества предприятия в ходе дела о банкротстве специальным определенным образом на федеральном уровне не регламентирован. Вследствие чего деятельность оценщиков в данном случае осуществляется в соответствии с общими положениями действующего законодательства РФ об оценочной деятельности, а также федеральными стандартами.

Однако стоит обратиться к ряду особенностей, которые присущи рассматриваемой деятельности.

1. Неограниченность объекта оценки. Невозможно знать наверняка, какое имущество находится во владении у того или иного должника. Вследствие чего стандартизировать единый унифицированный подход к определению стоимости имущества должника нельзя. Однако существуют определенные правила оценки любого вида имущества, закрепленные в стандартах оценки, разработанных на федеральном уровне. Именно ими и руководствуется оценщик при определении стоимости имущества должника вместе с общими положениями Федерального закона "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" от 29.07.1998 N 135-ФЗ [1].

2. Виды определяемой стоимости. Непосредственно перед началом самой процедуры оценки имущества, оценщику выдается задание на оценку, в котором указывается все то, что оценщик должен сделать, а также вся ему необходимая информация. Очень важным пунктом является уточнение вида стоимости, в которой будет отражено имущество. Обычно в условиях производства дела о банкротстве определяется или ликвидационная или рыночная стоимость. Первая, как правило, ниже второй, так как при ее (ликвидационной стоимости) установлении учитываются сжатые сроки для реализации имущества должника. Именно поэтому оценка объекта чаще осуществляется с использованием данного вида стоимости. При отсутствии каких-либо особых обстоятельств устанавливается рыночная стоимость.

3. Сроки реализации имущества должника. Из предыдущего пункта вытекает такая особенность, как зависимость установления стоимости имущества от сроков, в которые оно будет реализовано. Чем больше дано времени до завершения конкурсного производства, в которое соответственно нужно реализовать тот или иной объект имущества, тем выше можно установить стоимость этого имущества.

4. Необходимость привлечения оценщика. Как уже было упомянуто ранее, в ходе производства дела о банкротстве участие оценщика не является обязательным. Однако в соответствии с законодательством, это напрямую становится его обязанностью, когда:

- в лице должника выступает юридическое лицо, организационно-правовая форма которого является унитарное предприятие;
- в лице должника выступает акционерное общество (АО), у которого более двадцати пяти процентов акций принадлежит государству;
- оцениваемое имущество выступает предметом залога;
- оцениваемое имущество относится к категории движимого имущества. Его балансовая стоимость на последнюю отчетную дату, которая предшествовала дате подачи заявления о признании должника банкротом, превышает более ста тысяч рублей.

5. Специфика отчета об оценке. В первом и втором случаях, описанных в пункте четыре, а именно когда в качестве должника выступает унитарное предприятие или акционерное общество, дополнительным условием является приложение заключения Росимущества непосредственно к составленному отчету об оценке. Это нужно для проверки предоставленного отчета на предмет его соответствия законодательной базе в этой сфере. В свою очередь, Росимущество в срок, не позднее тридцати календарных дней выдвигает положительное или отрицательное заключение по отчету. Далее, независимо от характера данного заключения, отчет отправляют к арбитражному управляющему [3].

Из всего приведенного можно сделать обобщающий вывод о том, что оценка имущества должника в рамках дела о банкротстве имеет определенную специфику. Также следует еще раз подчеркнуть, что определенного стандарта для реализации имущества на торгах конкретно в ходе дела о банкротстве нет.

Список литературы:

1. Федеральный закон "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" от 29.07.1998 N 135-ФЗ.;
2. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ.

3. Бурыкина А.И. Некоторые вопросы правового регулирования банкротства юридических лиц / А.И. Бурыкина // Журнал Огарёв-Online. Выпуск № 13 (78) / 2018 – С. 78-80.
4. Дюсенов Д.С. Банкротство и несостоятельность в РФ / Д.С. Дюсенов // Отечественная юриспруденция. 2016. № 8 (10). С. 19-22.

КРАЖА С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Челпанов Егор Сергеевич

магистрант,
Северный Арктический федеральный университет,
РФ, г. Архангельск

THEFT FROM A BANK ACCOUNT, AS WELL AS IN RELATION TO ELECTRONIC MONEY: PROBLEMS OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT

Egor Chelpanov

Master student,
Northern Arctic Federal University,
Russia, Arkhangelsk

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с изменением действующего уголовного законодательства в части криминализации хищений, совершаемых с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств. Автором проанализирована общественная опасность указанных посягательств на существующем этапе состоянии общества. Итогом проведенного исследования стало принятие решения о необходимости аккумуляции сил и средств всего мирового сообщества, всех стран, органов государственной власти и граждан. Для противодействия данным видам преступления.

Ключевые слова: мошенничество, кража, электронные средства платежа, безналичный расчет, момент окончания преступления с использованием электронных средств платежа

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. N 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ст. 158 УК РФ была дополнена п. «г», предусматривающим ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ)

Так, в ч. 3 ст. 158 УК РФ введен п. «г» - кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ).

Для квалификации по этому пункту необходимо, чтобы действия виновного были тайными, то есть в отсутствие собственника, иных лиц либо незаметно для них.

В результате такой корректировки кража указанного имущества и хищение его путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации отнесены к категории тяжких преступлений независимо от суммы похищенного. За указанные деяния максимальный срок наказания в виде лишения свободы составляет шесть лет.

Посредством установления более строгих санкций по сравнению с ранее существовавшими повышена эффективность противодействия рассматриваемым хищениям, поскольку в настоящее время уголовное наказание будет влечь не только покушение на совершение или совершение таких противоправных деяний, но и приготовление к ним.

Если хищение с банковской карты совершено путем обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются по ст. 159 УК РФ.

«Именно способ совершения преступления лежит в основе разграничения данных составов преступлений»[1].

Например, поскольку денежные средства изымаются из банкомата тайно, не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать как кражу (п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

Как тайное хищение следует квалифицировать действия и тогда, когда виновным потерпевший введен в заблуждение или обманут, под воздействием чего он сам передает злоумышленнику свою карту или сообщает персональный идентификационный номер – пин-код, а снятие денег с банкомата происходит без потерпевшего.

По указанному критерию по ст. 158 УК РФ надлежит квалифицировать и действия, связанные с перехватом информации с пластиковых карт с использованием, например, «хакерских ридеров» - специальных устройств, способных перехватывать электронные сигналы, или специальных устройств, устанавливаемых в карточкоприемник банкомата.

При этом если лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты, переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, то действия виновного квалифицируются по ст. 158 УК РФ.

Что касается правового анализа положений Федерального закона от 23 апреля 2018 г. N 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[2], то здесь можно выявить ряд проблем правового характера.

Так, неоднозначное отношение к внесенным в Уголовный кодекс изменениям возникает и при анализе новых санкций и пороговых сумм. Приравнивание кражи с банковского счета и электронных денежных средств к краже, совершенной в крупном размере, не совсем оправданно. Такое решение привело к ситуации, когда ответственность за кражу в крупном размере с банковского счета и электронных денежных средств не дифференцирована от аналогичного хищения, совершенного в меньшем размере. Рассматриваемым законом, на наш взгляд, допущено нарушение ключевых принципов уголовного закона - принципа справедливости и соразмерности наказания, поскольку размер похищенного имущества является одним из ключевых критериев преступности деяния и дифференциации наказания за их совершение.

В данной части исследования рассмотрим актуальные проблемы борьбы с таким преступлением, как хищение денежных средств с банковского счета.

Большинство исследователей придерживаются разных подходов о причинах, которые мешают бороться с данным преступлением как негативным явлением нашей действительности.

Например, исследователи В.А. Авдеев и О.А. Авдеева видят основные проблемы в «трудностях раскрываемости указанных преступлений, запрещенных уголовным законодательством» [3].

Важно отметить, что и Президент России Владимир Владимирович Путин неоднократно на проводимых международных конференциях государств, посвященных теме борьбы с хищением денежных средств с банковского счета, подчеркивал важность именно налаживания основ международного сотрудничества и объединения сил государств в борьбе с таким негативным явлением. Президент не единожды подчеркивал, чтоб перед лицом преступлений в банковской сфере, все государства равны.

Так, в Стратегии национальной безопасности[4], основной приоритетной задачей государственной политики России названо именно осуществление борьбы с распространением преступлений в сфере хищения денежных средств с банковского счета.

Из сделанного комплексного правового анализа можно сформировать основные направления борьбы с таким преступлением, необходимо изложить их, а именно:

1. необходимо совершать профилактическую деятельность, направленную на предупреждение совершения данных преступлений. Что же входит в содержание такой деятельности?

Это комплексное изучение причин и условий, которые стали толчком для совершения того или иного преступления данной направленности. То есть важным представляется установить, как верно отмечает исследователь В.Э. Гаджиев: «причинно-следственную связь»[5]:

2. непосредственная борьба с преступлениями данной категории. Здесь в числе основополагающих задач: необходимо выявлять, предупреждать, пресекать, раскрывать и расследовать такого рода преступные действия;

3. необходимо минимизировать и (или) ликвидировать последствия каких-либо проявлений такой преступной деятельности;

4. необходимо оказывать надлежащую помощь жертвам таких преступлений (психологическую, материальную и другую).

Что касается субъектов, осуществляющих деятельность по борьбе с распространением различных форм хищения денежных средств с банковского счета, мы должны понимать, что органы государственной власти и органы местного самоуправления действуют в пределах своих полномочий.

В число полномочий субъектов, занимающихся предупреждением данной преступности, входит следующее:

1) формировать государственную политику по противодействию данной преступности;

2) осуществлять взаимодействие, в том числе, заниматься обменом информацией с другими странами мирового сообщества;

3) повышать квалификацию государственных служащих, которые занимаются деятельностью по предупреждению такой преступности, осуществлять их специальную подготовку и переподготовку;

4) минимизировать последствия уже совершенных преступлений такого рода.

То есть, как мы видим перечень достаточно обширный.

Безусловно, успешная реализация указанных полномочий зависит от объема выполняемых полномочий, и от их качества.

Также здесь мы должны понимать, что такое преступление такого характера, как хищение денежных средств с банковского счета – это отрицательное явление нашей действительности.

Преступности такого рода не становится меньше, с годами данная преступность только набирает обороты, становится изощреннее. Соответственно, если не бороться с ее распространением, мы перестанем контролировать ее распространение, в том числе, и распространение такой чудовищной тенденции, как появление новых форм хищения денежных средств с банковского счета.

В борьбе с данным явлением необходимо аккумулировать силы, средства всего мирового сообщества, всех стран, органов государственной власти и граждан.

Список литературы:

1. Долгих Т.Н. Понятие и признаки субъекта преступления. Особенности специального субъекта преступления / Т.Н. Долгих. URL: <https://coNes-plus.ru>.
2. Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета, № 88, 25.04.2011.
3. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Актуальные вопросы реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере обеспечения права человека на жизнь // Российский судья. 2017. № 6. С. 19 - 23.
4. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, N 1 (часть II), ст. 212.
5. Гаджиев В.Э.-оглы. Особенности профилактической работы по уголовным делам, // Российский следователь. 2018. N 2. С. 53 - 56.

PAPERS IN ENGLISH

RUBRIC

«POLITICAL SCIENCE»

THE PROBLEM OF EXTREMISM AND TERRORISM AMONG YOUNG PEOPLE AND ITS IMPACT ON PUBLIC POLICY

Alina Nyrova

Master's student

*Kabardino-Balkar State University named after Kh. M. Berbekov,
Russia, Nalchik*

Temirlan Nyrov

*Bachelor of Kabardino-Balkar State University named after Kh. M. Berbekov,
Russia, Nalchik*

Liana Beshkurova

Master's student

*Kabardino-Balkar State University named after Kh. M. Berbekov,
Russia, Nalchik*

Lalina Kokova

Master's student

*Kabardino-Balkar State University named after Kh. M. Berbekov,
Russia, Nalchik*

As far as everyone knows, in recent years, there has been an increase in a number of extremist movements that involve young people in their activities. An analysis of the data for the last five years shows that four out of five persons whose criminal activities have been suppressed are no more than 30 years old.

At present, I would like to mention that members of informal youth organizations (groups) of extremist-nationalist orientation are mainly young people under the age of 30, and often, including minors aged 14-18 years. The subjects of crimes are also men, however, members of informal youth extremist groups, along with young people, are sometimes girls. It is noted that the basis of the rank-and-file composition of gangs for carrying out terrorist acts and its replenishment is precisely young people, who, due to a number of socio-psychological, physiological and demographic characteristics, are most susceptible to ideological influence, are subject to maximalism and radical sentiments.

But unlike ordinary groups of teenagers who commit hooligan acts or acts of vandalism, usually for the purpose of "having fun", informal extremist groups carry out their illegal actions based on a certain ideology, the main thesis of which may be, for example, this: to overcome all political and economic problems in the country, it is necessary to create a "national" state, as this, in their view, will serve as a guarantee against any threats. In general, the very idea of the so-called "clean state" is inherent not only to "skinheads", but also to religious extremists who call for the creation of such a "clean state" on a religious basis. It is absolutely clear that the action motivated by such ideas has a strict orientation, directed in our case against persons of a different nationality

or religion. It can also be said to be mixed with hatred for the existing government, which, according to extremists, condones the life of the "culprits" of all Russian troubles, which can lead to an even wider development of extremist ideas. It is these ideas that become the foundation for the formation of informal extremist youth groups.

The system of views imposed by extremists is relevant for young people because of the simplicity and unambiguity of their postulates, promises of the opportunity to immediately, at the same hour, see the result of their aggressive actions. The importance of personal participation in the difficult and painstaking process of economic, political and social development is replaced by simple calls for the complete destruction of existing foundations and their replacement by other projects. A lot of extremist crimes are committed by minors. In this regard, in order to eliminate extremist crime and the criminal situation in this area, it is important to strengthen preventive work among young people. Adolescents should be taught the basics of tolerance by organizing, for example, tolerance lessons, educational programs and seminars on tolerance. It is also very important to note the need for preventive and preventive work to find and take measures to eliminate extremist-nationalist and extremist-terrorist sites on the Internet that actively promote the ideology of extremism, nationalism and terrorism, including calls to commit crimes of extremist and terrorist orientation against people of other nationalities or religions, foreign citizens, as well as detailed instructions for making explosive devices, committing terrorist acts, "nationalist" murders, etc. [1]. The existing system of Russian legislation, which reflects the legal strategy for countering terrorism and extremism, generally has a fairly complete set of legal norms that make it possible to effectively combat terrorism and extremism. Against the background of maintaining and strengthening the power component of the fight against specific terrorist manifestations, it is important to radically increase the effectiveness of countering the ideology of terrorism, to put reliable barriers to its penetration into the public consciousness.

The ultimate goal of this work is to change the legal psychology of people, to achieve rejection by the absolute majority of the population of the very idea of the possibility of using terrorist methods to resolve territorial, social, religious, cultural and any other problems and contradictions.

To solve this problem, including among young people, it is necessary to create a self-reproducing system of ideas, subjects-carriers and channels of their dissemination, which can independently contribute to the formation of a positive public consciousness, excluding the very possibility of using violence to achieve any goals. Such a system can and should be the institutions of civil society, the scientific and business community, educational institutions and the mass media

Along with the ongoing awareness-raising work with young people, efforts should be intensified to eliminate the very prerequisites for the formation of a consciousness focused on violence as a means of resolving contradictions.

References:

1. Abdulatipov R.G. Problems of prevention of extremism // *Ethnopanorama*, 2002, No. 2 p. 74.
2. Antonyan Yu.M. Extremism and its causes / Yu.M. Antonyan.- M: Logos , 2010. – 288 s. - ISBN: 978-5-98704-502-2.

ARTICLES EN FRANÇAIS

TITRE

«PHILOLOGIE»

DES SEXOSPECIFICITES DU FRANÇAIS ET DE L'ANGLAIS

Mariia Koppalova

premier cycle,

enseignement pédagogique en deux profils "français et anglais",

Institut des langues étrangères,

PetrSU,

Russie, Petrozavodsk

Nadezhda Barymova

Conseiller scientifique:

Maître de conférences en langues au Département d'allemand

et Institut français des langues étrangères,

Russie, Petrozavodsk

Il y a une nouvelle tendance linguistique qui occupe une place particulière, la linguistique de genre qui étudie des stéréotypes du comportement de la parole des hommes et des femmes fixés dans la langue. La linguistique de genre examine les problèmes de la représentation linguistique des évaluations sociales et culturelles attribuées aux hommes et aux femmes.

Dans cet article, une tentative est faite pour déterminer le contenu du concept de «Femme» dans les langues françaises et anglaises. La prise en compte des aspects sexospécifiques de la langue et de la culture devient un moment de plus en plus important pour la recherche linguistique de nos jours. Ainsi, si nous prenons la définition du mot «femme» dans les dictionnaires explicatifs, on indique seulement qu'une femme est une personne opposée à un homme par sexe. L'utilisation du mot anglais «Gender» comme un terme de connaissance humanitaire nous permet de distinguer le «genre social» comme une sorte de construction culturelle du sexe biologique. Ainsi, le concept de genre est une unité sémantique spéciale combinant la signification du vocabulaire d'un mot avec la vision ethnoculturelle du monde et donnant une autre idée des traits typiques masculins et féminins.

Les stéréotypes de genre, c'est-à-dire des opinions culturellement et socialement déterminées sur les qualités, les attributs et les normes de comportement des représentants des deux sexes, sont développés par chaque nation au cours de son évolution historique et correspondent à la mentalité des personnes vivant dans ce groupe ethnique. Ces stéréotypes féminité et masculinité sont solidement ancrés dans la conscience publique mais en se transmettant d'une génération à l'autre ils s'enrichissent et s'ajustent.

Malgré le développement intensif des études de genre, la recherche des aspects de genre de la langue et de la communication reste la partie la moins développée dans le domaine interdisciplinaire général des études de genre, qui détermine leur pertinence.

La particularité du concept de genre est bien tracée sur l'exemple de l'ethnie française dans la détermination du contenu du concept de «femme». Une analyse de divers supports linguistiques permet de déterminer quelles fonctions ont été attribuées à une femme française et quels traits de caractère lui ont été attribués. Les notions les plus traditionnelles d'une femme, son caractère et son comportement se reflètent dans les proverbes. Les auteurs évaluent la femme à la base de critères

généralement acceptés. Très souvent, une femme ne devrait remplir qu'une seule fonction dans la société - être une épouse fidèle, jouer un rôle majeur dans la famille, car elle seule peut donner la vie à la maison ("Maison sans femme corps sans âme").

Il convient de noter qu'en créant l'image d'une femme dans la culture de la langue anglaise, une grande attention est accordée à la description de la beauté d'une femme: "Beauty is a sort of bloom on a woman. If you have it, you don't need to have anything else; if you don't have it, it doesn't much matter what else you have" Barrie.

En anglais, une diminution de l'androcentricité a récemment été observée en raison de la révision des rôles sociaux traditionnels des hommes et des femmes dans la société. Certains mots apparaissant en anglais montrent quels changements se produisent dans la société anglaise, par exemple : «economically empowered women» (femmes économiquement autorisées), «househusband» («householder» par analogie avec le mot «housewife»), "careerwoman" ("carrière").

La même tendance existe en France. En français, comme en anglais, il existe une longue liste de professions dont les noms sont traditionnellement plus associés à «masculin» : «médecin», «peintre», «gouverneur», «ministre». Récemment, les Français ont commencé à proposer des variantes féminines du nom de ces professions, par exemple, «sénateur» / «sénatrice», ou de mettre un article féminin devant le mot «la présidente».

La linguistique féministe a eu une influence particulière sur la formation de l'anglais et du français moderne. La réalisation principale de la linguistique féministe est qu'elle a permis à une femme de «se voir» différemment à travers la langue, de surmonter une certaine asymétrie masculine et la domination dans la langue.

À l'étranger, les recherches de genre sont étudiées de manière plus approfondie, comme en témoignent de nombreux ouvrages consacrés au genre en linguistique et, en particulier, les traits du discours des hommes et des femmes.

À cet égard, ces dernières années, un nombre important de publications est apparu en Russie consacrées aux tendances dans le développement des études de genre en linguistique. Cette question est examinée par des linguistes nationaux renommés tels que A.V. Kirilin, E.I. Goroshko, A.P. Martynyuk, P.N. Zemlyansky, A.M. Shakhmaikin, N.M. Gabrielyan, O.A. Voronina et d'autres. Parmi les linguistes français, V. Ebisher, E. Dole, M. Jagello, A. Bodin, A.M. Ubedin, A. Bosch sont engagés dans des études de genre.

Il faut souligner que dans le domaine du genre, les principales tendances suivantes ont été identifiées sur le matériel du français et de l'anglais: dans le domaine de la grammaire, il n'y avait pas de différences particulièrement significatives entre le discours féminin et masculin.

Les principales différences de discours féminin sont:

1. L'utilisation des adjectifs évaluatifs.
2. L'utilisation plus fréquente dans le discours des mots modaux au passé. Par exemple (anglais): - Mightn't it be the case that...?

En anglais, l'utilisation de divers verbes modaux varie également considérablement pour la parole masculine et féminine. Les hommes préfèrent «can» - un verbe qui exprime une possibilité réelle, une capacité physique à faire quelque chose ; et les femmes - un verbe exprimant la probabilité de l'action.

3. Une présence plus fréquente des mots d'introduction, d'expression dans le discours féminin, qui indiquent un degré de confiance différent de la personne qui parle, des liens avec sa propre opinion ou avec toute autre opinion. Par exemple (en français) : «Je pense, à mon avis», «je suis sûr que», «évidemment», «bien sûr». Ces mots et phrases se trouvent généralement au début de la phrase. J. Homs a calculé que les femmes 5 fois plus que les hommes utilisent la construction «tu sais» dans leur discours.

Les études de genre «nous permettent de prendre en compte plus clairement et plus précisément le facteur humain dans la langue. L'approche du genre permet de décrire non seulement le système anthropocentrique du langage, mais aussi «d'étudier les possibilités et les limites de ses sous-systèmes associés à la masculinité et à la féminité comme deux formes d'existence humaine»

Littérature:

1. Voronin O.A. Théorie et méthodologie des études de genre: Cours magistral / Ed. ed. O.A. Voronina; Mosk. Centre d'études sur le genre: Mosk. plus haute école Sciences sociales. - M., 2001. - 416 p.
2. Aebischer V. Les femmes et le langage: représentations sociales d'une différence - Paris, 1985.
3. Salieva Z.I. Réflexion du genre dans les maximes de la langue anglaise / Z.I. Saliev, Jeune scientifique. - 2009. - p. 147-149.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 4 (140)
Январь 2021 г.

Часть 2

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74

E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+

